

DOI: 10.17805/zpu.2016.3.8

Эпистемологические установки биомедицины и понимание человека как субъекта

С. Ю. ШЕВЧЕНКО

(Институт философии Российской академии наук)

Важные линии развития современных гуманитарных исследований биомедицины заданы двумя значимыми темами в творчестве французского философа, теоретика культуры Мишеля Фуко: смена форм существования культуры и знания, с одной стороны, и «конструирование» субъекта — с другой. На первой из них сфокусировано внимание в социальных исследованиях науки и технологии (STS), на второй — внимание биоэтики и философской антропологии. Стремление STS-исследователей зафиксировать современное понимание роли и места науки и технологий, в том числе и как форм производства и хранения знаний, находит свое отражение в исследовании места и роли социотехнических мнимостей. Тем самым тематизируется сфера не эксплицированных, но существующих в рамках всего контура функционирования технoнауки представлений об основаниях и задачах ее развития. Подобные исследования могут служить важным элементом в гуманитарной экспертизе современных технонаучных проектов.

Рассмотрены области современных генетических практик: медицинская генетика и генетика «биологическая». Важной чертой их анализа служат схожесть предмета и методов обеих областей и различия в типе подготовки специалистов: врачей, с одной стороны, и биологов, биотехнологов — с другой (это позволяет сконцентрировать внимание собственно на эпистемологических установках медицинской и биологической генетики). Обнаруженные особенности эпистемологических установок и понимания субъективного в обеих областях имеют сходства с реконструированными Фуко характерными чертами ренессансной и классической эпистем. Сформулированный контекст эпистемологического и философско-антропологического анализа может стать значимым элементом гуманитарной экспертизы проектов современной технонауки.

Ключевые слова: М. Фуко; эпистема; социотехнические мнимости; биомедицина; генетика; генетические знания; генетические практики; STS

ВВЕДЕНИЕ

Социотехнические мнимости (*sociotechnical imaginaries*) становятся все более значимым инструментом философского описания современной технонауки и отдельных ее проектов. Воображение как отдельного исследователя, так и сколь угодно широких социальных групп служит не просто одним из множества гуманитарных факторов развития науки — оно определяет как горизонт развития отдельной дисциплинарной области, так и основания, задающие траекторию такого развития. Иными словами, мнимости могут быть заданы воображением любой группы участников формирования контура функционирования технонауки (Юдин, 2010): от лабораторных работников до представителей СМИ, общественных организаций или бизнеса. При этом они, по определению П. Д. Тищенко и Б. Г. Юдина, «являются конститутивной частью любого понимания науки и технологий, на основании которого можно выносить этические, политические и регуляторные суждения» (Тищенко, Юдин, 2015: 200). В последние два десятилетия для обозначения подобных ментальных конструкторов целым рядом философов науки, антропологов и социологов использовалось несколько разновидностей мнимостей (*imaginaries*), обычно имеющих конкретную дисциплинарную принадлежность.

ОБЛАСТИ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ПРАКТИК

Сферами, через исследования которых могут быть прослежены эти мнимости, служат СМИ, реклама, научные публикации, повседневное общение ученых. Автор термина «социотехнические мнимости» Шейла Ясановф, гарвардский профессор в области социальных исследований науки и технологии (*Science and Technology Study — STS*) определяет их как «коллективные формы представлений о социальной жизни и социальном порядке, нашедшие отражение в структуре и сути больших научно-технических проектов» (Jasanoff, Kim, 2009: 127).

В таком «напряжении» вокруг термина «мнимости» можно увидеть стремление удовлетворить «потребность в новых методологических подходах и инструментах исследования науки, которые бы позволяли объединить глобальный, панорамный способ видения науки с обстоятельным и конкретным анализом исторических ситуаций и социальных коллизий ее существования» (Касавин, 2014: 9).

В контексте темы статьи интересна работа представителя STS К. С. Раджана, методологически близкого к Шейлой Ясановф, посвященная анализу конкретных ситуаций работы генетических центров в США и Индии. В компаративистской по характеру публикации Раджан сравнивает как эпистемологические установки исследовательской и «рутинной» работы медицинских центров, так и предлагаемое пациенту в рамках биомедицинских процедур «пространство» информирования и принятия решений. Первая плоскость сравнения обозначена Раджаном как «эпистемологические мнимости», вторая — как «мнимости субъекта» (Rajan, 2011). Эти словосочетания вполне согласуются с указанным в начале статьи конститутивным характером мнимостей и обозначают, соответственно, эпистемологические и философско-антропологические основания развития технонауки и представления о возможных и желаемых горизонтах ее развития.

Важно отметить, что в отличие от множества других компаративистских исследований STS работа Раджана не сконцентрирована сугубо на культурных различиях. Для наших же целей — определения степени «сцепленности» эпистемологиче-

ских установок и представлений о субъективности в рамках современной технотехники — потребуется рассмотрение случая, где культурные различия нивелированы, и вместе с тем можно выделить важные особенности эпистемологических мнимостей и мнимостей субъекта. Подходящим объектом для такого исследования могут служить две области генетических знаний и практик: медицинская генетика и биологическая/биотехнологическая генетика человека. Несмотря на идентичность объекта исследования (геном человека) и аппаратных методов, в указанных сферах работают люди, получившие разную профессиональную подготовку: врачи и биологи. Эта особенность и дает нам возможность говорить о различии эпистемологических установок или сферы мнимостей в указанных областях. Как правило, медицинские генетические центры и биотехнологические компании занимаются, по существу, одной главной биомедицинской процедурой: анализом генома для установления степени риска возникновения у пациента/клиента или у его потомков того или иного заболевания. Причем речь идет не только о нарушениях здоровья, обусловленных сугубо наследственностью, но и об установлении значимых наследственных факторов, которые наряду с другими (образом жизни и т. д.) могут привести к развитию болезни.

Различия медицинской и биотехнологической генетики в представлениях о клиенте/пациенте как о субъекте можно проследить по дискуссии, касающейся практики предоставления доступа субъектам к результатам расшифровки их генома или его части. Более конкретно этот вопрос раскрывается в обсуждении проблемы сообщения или несообщения всей полноты информации пациенту. Особенно это касается так называемых генетических «вариантов неопределенного значения» — «отрывков» генетического кода, которые могут быть истолкованы несколькими способами, адекватными текущему уровню развития геномики.

Ряд интервью на эту тему, взятых группой исследователей у канадских врачей-генетиков, были выдержаны примерно в таком ключе: «Пациенты не читают формы информированного добровольного согласия, поэтому стремление ссылаться на этот документ выглядит как насмешка» (Rahimzadeh et al., 2015: 207). Пациент, как правило, ничего не решает — точнее, решает во всем довериться врачу и подписать предложенную форму. Врач же со своей стороны «должен назначать какое-либо обследование, только когда видит его необходимость и когда хорошо представляет себе, как будет использовать его результаты... Фокусировка на выявлении и знакомстве пациента с вариантами неопределенного значения может порочить образ медицины» (там же: 208). Кроме патернализма этих высказываний, сделанных представителями медицинского сообщества, важно отметить их центрированность на фигуре врача — не только проводника в мир генетического кода и истолкователя его значений, но и человека, несущего ответственность за назначение исследования генома.

Точка зрения представителей биотехнологических компаний на конфигурацию отношений между генетической лабораторией и субъектом — носителем генетической информации может быть прослежена легче, так как высказывания, задающие в этом случае образ субъекта, часто делаются публично. Так, в изложении миссии компании Genomic Health не просто подспудно постулируется децентрализация фигуры врача в структуре диагностики и лечения: врач и пациент выступают как равноценные фигуры, обе одинаково нуждающиеся в снабжении генети-

ческой информацией. При этом в высказываниях директора Genomic Health Ренди Скотта клиенты компании, «пациенты», выступают как суверенные/автономные субъекты, нуждающиеся в знании. Все когда-нибудь заболеют, и все нуждаются в наиболее полном знании о будущей болезни — риске ее возникновения и ее предполагаемом течении (Rajan, 2011). Тем самым главной потребностью «пациента» оказывается не здоровье, а знание.

Основатель компании Celera, осуществлявшей конкурентный проект по расшифровке генома человека, Крейг Вентер обращается к «тексту» собственного генома, чтобы узнать особенности метаболизма кофеина в собственном теле — фактически чтобы установить «оптимальный с биологической точки зрения» режим употребления кофе (Venter, 2007). Забота о здоровье является лишь одной из, да и то не главной целью такого исследования — намного важнее стремление к знанию и желание продемонстрировать могущество биотехнологических инструментов получения этого знания, способного легко «внедриться» в повседневность.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Эпистемологические же различия между медицинской и биологической/биотехнологической генетикой могут быть прослежены через исследовательскую активность соответствующих дисциплинарных областей. Как правило, работы по медицинской генетике носят популяционный характер: исследуется статистическая связь отдельного генетического варианта (варианта отрывка генетического кода) с фенотипическим признаком у определенной группы людей. Например, конкретные вариации в геноме статистически связываются с развитием какого-либо заболевания. При этом две группы данных (о генах и о болезнях в популяции) просто отражаются одна в другой. Как правило, тема причинно-следственных связей в подобных работах не поднимается (из-за обилия связующих звеньев): гены просто «говорят» нам что-то о риске болезни, выступая знаком, кодифицированной аналогией степени риска. На механизмах работы генетического и молекулярного аппарата клетки сконцентрированы как раз биологические исследования. Они скорее имеют семиологический и герменевтический характер как попытка истолковать мир через знаки (генетического кода). Биологические работы направлены на выявление «всеобщей грамматики» генома, механики его работы, геном выступает как средоточие кодификации возможных реакций клетки и всего организма на внешние факторы (Voening, 2010).

Взятые с точки зрения практик производства знания топосы отражений и аналогий, с одной стороны, и «всеобщей грамматики» — с другой, демонстрируют то же различие между медицинской и биологической генетикой, что и ренессансная и классическая эпистемы в работе Фуко «Слова и вещи» (Фуко, 1994). Эпистема представляет собой совокупность установок, формирующих условия существования исторических форм культуры и знания (McWhorter, 2005). В определенной степени ее более «локальным» аналогом могут быть названы эпистемологические мнимости, в совокупности конститутивно определяющие режим функционирования конкретной научной области.

В этой связи еще ярче прослеживаются определенные параллели между современными областями генетических знаний и практик и исторически реконструируемыми Фуко способами производства знания. В ренессансную эпоху сколько-ни-

будь полное знание казалось недостижимым из-за необходимости проследить бесконечную цепь аналогий, отражений слов и вещей в мире — точно так же медицинская генетика не сконцентрирована на прослеживании длинных причинно-следственных цепей, но лишь на поиске статистических «аналогий». В классическую же эпоху знание обретает завершенность, репрезентирующуюся во всеобщей грамматике Пор-Рояля и в иных попытках создания исчерпывающих классификаций и формальных языков, что мы видим в биологических работах, формулирующих «молекулярную грамматику». Но на этом параллели с археологическими реконструкциями Фуко не заканчиваются: ренессансный субъект, как и пациент в рамках медицинской консультации, нуждается в управлении и руководстве, «рациональный» же субъект, изображаемый мыслителями классической эпохи, способен сам принимать решения и, как правило, нуждается не в прямом руководстве, а в знании (Gutting, 1989). То есть медицинская генетика демонстрирует режим функционирования знания и модель отношения к субъекту, во многом схожие с ренессансной эпистемой, а биологическая генетика — с эпистемой классической эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные параллели вовсе не служат попыткой перевода «эпистем» Фуко в некоторые культурные инварианты, их цель — продемонстрировать связь, «сцепленность» эпистемологических установок, представлений о способах функционирования и задачах технауки с пониманием человека как субъекта. Тем самым эпистемологический анализ способен сказать нечто не только о том, что происходит в лаборатории, но и о том, что имеет отношение к функционированию всего контура технауки. С практической точки зрения это означает, что эпистемологические исследования могут стать закономерной частью гуманитарной экспертизы технаучных проектов и инициатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Касавин, И. Т. (2014) Социальная философия науки: идея и проект // Эпистемология и философия науки. Т. XLII. № 4. С. 5–19.
- Тищенко, П. Д., Юдин, Б. Г. (2015) Звездный час философии // Вопросы философии. № 12. С. 198–204.
- Фуко, М. (1994) Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд. 408 с.
- Юдин, Б. Г. (2010) Наука в обществе знаний // Вопросы философии. № 8. С. 45–57.
- Boenink, M. (2010) Molecular medicine and concepts of disease: the ethical value of a conceptual analysis of emerging biomedical technologies // Medicine, Health Care and Philosophy Feb. № 13(1). P. 11–23.
- Gutting, G. (1989) Michel Foucault's Archaeology of Scientific Reason. Cambridge, etc.: Cambridge University Press. 310 p.
- McWhorter, L. (2005) Episteme // The Edinburgh Dictionary of Continental Philosophy. Edinburgh: Edinburgh University Press. 640 p. P. 176–177.
- Jasanoff, S., Kim, S.-H. (2009) Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // Minerva. № 47 (2). P. 119–146.
- Rajan, K. S. (2011) Two Tales of Genomics: Capital, Epistemology, and Global Constitutions of the Biomedical Subject // Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age / ed. by S. Jasanoff. Cambridge, MA: The MIT Press. 310 p. P. 193–217.

Rahimzadeh, V., Avard, D., Sénécal, K., Knoppers, B. M., Sinnott, D. (2015) To disclose, or not to disclose? Context matters // *European Journal of Human Genetics*. №23. P. 279–284. DOI: 10.1038/ejhg.2014.108

Venter, C. J. (2007) *A Life Decoded: My Genome, My Life*. New York: Penguin Group. 416 p.

Дата поступления: 17.07.2016 г.

*EPISTEMOLOGICAL ORIENTATIONS IN BIOMEDICINE
AND A HUMAN BEING AS SUBJECT*

S. YU. SHEVCHENKO

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The most important directions in the development of biomedical humanities can be described in context of the two important topics brought up by the French philosopher and cultural theorist Michel Foucault – a change in the forms of culture and knowledge, on the one hand, and the «construction» of subject, on the other. The former lies within the scope of social technology studies (STS), while the latter has become the focus of bioethics and philosophical anthropology. STS researchers aim to determine the contemporary understanding of the role and place of science as forms of producing and preserving knowledge, which is linked to the study of the role and place of sociotechnical imaginaries, thus actualizing the implicit ideas of the foundations of technoscience and its developmental priorities. Such studies can become a crucial element in the examination of contemporary scientific projects by the humanities.

The article examines two ‘branches’ or disciplinary fields of modern genetic practice – medical genetics and biological genetics – in the context of their epistemological and anthropological basis. The important features of these fields are their methodological similarity and differences in the educational background of medical and biological geneticists, which provides an opportunity to focus our attention on epistemological characteristics of these fields. Epistemological orientations in both areas, as well as the notions of the subjective, remind us of the features of the Renaissance and classical episteme as reconstructed by Foucault. This context of epistemological and anthropological analysis can become a significant element of the humanitarian expertise of projects in contemporary technoscience.

Keywords: Michel Foucault; episteme; sociotechnical imaginaries; biomedicine; genetics; genetic knowledge; genetic practice; STS

REFERENCES

Kasavin, I. T. (2014) Sotsial’naia filosofiia nauki: ideia i proekt. *Epistemologiya i filosofiia nauki*, vol. XLII, no. 4, pp. 5–19. (In Russ.).

Tishchenko, P. D. and Yudin, B. G. (2015) Zvezdnyi chas filosofii. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 198–204. (In Russ.).

Foucault, M. (1994) *Slova i vesbchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* / transl. by V. P. Vizgin and N. S. Avtonomova. St. Petersburg, A-cad. 408 p. (In Russ.).

Yudin, B. G. (2010) Nauka v obshchestve znani. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 45–57. (In Russ.).

Boenink, M. (2010) Molecular medicine and concepts of disease: the ethical value of a conceptual analysis of emerging biomedical technologies. *Medicine, Health Care and Philosophy Feb*, no. 13 (1), pp. 11–23.

Gutting, G. (1989) *Michel Foucault’s Archaeology of Scientific Reason*. Cambridge, etc., Cambridge University Press. 310 p.

McWhorter, L. (2005) Episteme. In: *The Edinburgh Dictionary of Continental Philosophy*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 640 p. Pp. 176–177.

Jasanoff, S. and Kim, S.-H. (2009) Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea. *Minerva*, no. 47 (2), pp. 119–146.

Rajan, K. S. (2011) Two Tales of Genomics: Capital, Epistemology, and Global Constitutions of the Biomedical Subject. In: *Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age* / ed. by S. Jasanoff. Cambridge, MA : The MIT Press. 310 p. Pp. 193–217.

Rahimzadeh, V., Avard, D., Sénécal, K., Knoppers, B. M. and Sinnett, D. (2015) To disclose, or not to disclose? Context matters. *European Journal of Human Genetics*, no. 23, pp. 279–284. DOI: 10.1038/ejhg.2014.108

Venter, C. J. (2007) *A Life Decoded: My Genome, My Life*. New York, Penguin Group. 416 p.

Submission date: 17.07.2016.

Шевченко Сергей Юрьевич — младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: + 7 (495) 697-90-67. Эл. адрес: simurg87@list.ru

Shevchenko Sergei Yurievich, Junior research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-90-67. E-mail: simurg87@list.ru